

Сказав это, Ши ушёл. Он специально зашёл узнать, потому что если бы Вэй Циншаня не оказалось дома, то переносил бы доставку на другой день. Когда в доме оставался только один гээр, привозить мебель одному большому мужчине было неудобно, чтобы не вызвать лишних пересудов.

Сегодня как раз шёл дождь и он подумал, что Вэй Циншань вряд ли ушёл в горы, поэтому и заглянул спросить.

Узнав, что новая кровать готова, Линь Юй обрадовался. Ещё недавно он скучал без дела, а теперь сразу засуетился: сложил одеяло, вынес в задний двор солому, уложенную на старом настиле, подмёл пол. Когда Вэй Циншань вернётся, можно будет вынести старый настил.

Как раз закончив уборку, Линь Юй увидел, что Вэй Циншань вернулся с куском мяса. Тот заметил, что постель убрана дочиста и всё понял: “Кровать готова?”

“Да”, — смущённо, вполголоса ответил Линь Юй.

Вэй Циншань повесил мясо за дверь, закатал рукава и вынес в задний двор деревянные доски, а Линь Юй вслед за ним вынес кирпичи, что служили подпоркой. Дождь к этому времени уже почти стих, похоже, скоро должен был и вовсе прекратиться.

Затем он понёс мясо на кухню, чтобы заняться разделкой. Вэй Циншань тоже пришёл туда: “Дай я порублю мясо, а ты пока отдохни”.

Линь Юй уступил ему место, а сам сел рядом перебирать водяной сельдерей. Он был нежный и завернув его в тесто вместе с мясом, можно было сделать вкусные пирожки.

“Я думаю, половину сделать с чистым мясом, а половину с мясом и водяным сельдереем”, — сказал он.

“Хорошо”, — коротко ответил Вэй Циншань.

Голос его маленького супруга был таким мягким, словно весенняя морось за окном.

Вэй Циншань громко “бах-бах” рубил мясо, а Линь Юй тем временем обваривал кипятком сельдерей. Каждый был занят своим делом, но в тесной кухне витала теплая, чуть смущающая атмосфера — ведь сегодня должны были привезти новую кровать.

К полудню тесто подошло и Линь Юй начал лепить мясные пирожки (баоцзы). Он ещё и не успел толком начать, как Вэй Циншань уже уловил аппетитный запах начинки.

Так как половина фарша была с сельдереем, пирожков получилось гораздо больше. Линь Юй

приготовил целую большую пароварку. Пирожки вышли пухлые и белые, куда больше тех, что они вчера покупали в городе: каждый размером почти с кулак Вэй Циншаня. В итоге получилось больше десятка.

Линь Юй знал, что они бедны, земли у них нет, но Вэй Циншань никогда не позволял ему терпеть лишения в еде.

На обед они ели мясные пирожки. Любимыми у Линь Юя оказались те, что были с мясом и сельдереем — ему они казались вкуснее чисто мясных. Он съел один с сельдереем и половину мясного. Вэй Циншань же за раз съел три и ещё выпил миску пшённой похлёбки.

После обеда дождь совсем прекратился, выглянуло солнце. Оба они остались дома ждать, когда привезут новую кровать.

Линь Юй, наевшись, пошёл взглянуть на свой огород. Дождь только что прошёл и он надеялся, что что-то уже взошло. Подойдя, он с радостью увидел: его маленькая капуста уже выпустила по два крошечных листика. Даже тыква и бутылочная тыква уже начали пробивать землю, показывая крепкие зелёные ростки. Видимо, завтра они совсем покажутся наружу.

Линь Юй был безмерно рад: “Циншань, смотри! Овощи уже почти взошли!”

Вэй Циншань тоже подошёл: “Да, уже проросли”.

В душе Линь Юя переполняло волнение, ведь это был его собственный огород!

Пока они разговаривали, подъехал плотник Ши, управляя телегой, которую тащил мул: “Брат Циншань, кровать готова”.

Увидев постороннего, Линь Юй чуть спрятался за спиной Вэй Циншаня. Тот потрогал рукой новенькую кровать и остался очень доволен: “А что, это ещё и с верхом?”

Плотник Ши сделал кровать шести-колонку с навесом. По периметру навеса можно было повесить занавеси: летом они защищали бы от комаров, а зимой удерживали тепло.

Плотник Ши почесал затылок и улыбнулся: “Это не сложно было. Считаю, подарок к свадьбе, в честь радостного события”.

Вэй Циншань сложил руки в почтительном поклоне: “Большое спасибо”.

Они вдвоём сняли кровать с телеги. По их разговору Линь Юй понял, что такая вещь стоит далеко не один лян серебра и куда лучше тех обычных кроватей, что он видел: и колонны, и навес сверху.

Когда мужчины стояли у телеги и разговаривали, Линь Юй поспешил принести горячего чая. Плотник Ши улыбнулся своей добродушной улыбкой. Вэй Циншань велел Линь Юю упаковать для гостя несколько пирожков.

Линь Юй быстро собрал. Он не знал, сколько человек в семье у плотника Ши, поэтому положил четыре штуки: два с мясом, два с мясом и водным сельдереем. Пирожки только что вынули из пароварки и они ещё сохраняли приятное тепло.

Вэй Циншань взял свёрток и передал Ши: “Это приготовил мой фулан, возьми и попробуй”.

Плотник Ши поблагодарил, тронулся в путь и сказал:

“Брат Циншань, фулан Циншаня, тогда я поехал”.

Пощупав пирожки, он заметил, что они ещё горячие, а к тому же каждый был крупный. Сидя на телеге, он не удержался, взял один и откусил. Сразу брызнул ароматный сок. Плотник Ши довольно промычал и поспешил домой, чтобы дать попробовать своей матери.

Фулан у брата Циншаня готовит просто восхитительно! — подумал он.

Линь Юй тоже проникся уважением к простому и добродушному плотнику Ши. Тот ещё не знал, что именно это хорошее впечатление сыграет для него решающую роль в будущем: именно Линь Юй будет помогать ему устроить женитьбу.

Когда новую кровать установили, Линь Юй тут же принялся её обустроить: постелил толстый соломенный мат, сверху уложил постель. Занавесей для кровати пока не было — денег на ткань не хватало. Решили отложить это на будущее.

Настроение у Линь Юя было очень хорошее, но как раз в тот момент, когда он застилал постель, с улицы донёсся мужской голос с бранью, а вместе с ним плач гээра Цина.

Линь Юй поспешно вышел: “Циншань, что там у Сань Нянь происходит?”

“Похоже, Цянь Гуй вернулся”, — Вэй Циншань нахмурился. Он жил здесь уже больше года и понемногу знал дела семьи Цянь. Этот Цянь Гуй любил выпить и был азартным игроком. Нагуляется где-то на стороне, а потом возвращается домой и колотит жену.

“Серебро где? Давай серебро! Ты же вчера ходила в город продавать ткань, где деньги?”

“Нет, нет, я всё матери отдала!”

Из соседнего двора донёлся крик боли Сань Нян, а гээр Цин, должно быть, сильно перепугался и не переставал плакать.

“Бей сильнее! Убей её! Эта баба посмела утаить серебро, бей её как следует!”

Услышав резкий голос старухи Цянь, тело Линь Юя невольно задрожало: он вспомнил, как его избивала Цай Чуньхуа. Вэй Циншань сжал его ладонь: “Пойдём посмотрим, что там у соседей”.

Раньше, даже слыша всё это, Вэй Циншань никогда не вмешивался. Он ведь мужчина, а заступаться за замужнюю женщину — дело неудобное. К тому же Цянь Гуй был наглецом, слов не стеснялся, и если бы из-за него пошли пересуды, жизнь Сань Нян стала бы только тяжелее.

Вэй Циншань и не хотел вмешиваться в чужие дела, но его маленький фулан был слишком мягкосердечным. Если не попытаться вмешаться, он боялся, что у того будет на душе тяжело.

Так Вэй Циншань всё же повёл Линь Юя к соседям. Так как жили они на отшибе, то только ещё одна соседская семья, жившая по другую сторону дома старухи Цянь, высунулась поглядеть, но тоже не собиралась вмешиваться.

Когда Линь Юй подошёл, то увидел, как мужчина размахивает метлой и колотит Сань Нян, а та, прижимая руки к себе, рыдает.

Старуха Цянь рядом подзадоривает: “Бей сильнее!”

А гээр Цин стоит в дверях, надрывно ревёт от ужаса и никто на него не обращает внимания.

“Что случилось?” — спросил Вэй Циншань.

Сосед, наблюдавший за происходящим, ответил:

“Похоже, Цянь Гуй вернулся и обнаружил, что Сань Нян спрятала несколько вэнь. Вот он снова и принялся её колотить”.

Линь Юй подхватил стоящего в дверях гээра Цина и начал его утешать:

“Гээр Цин, тише, не плачь, не плачь”.

А Цянь Гуй всё ещё хлестал Сань Нян: “Говори, есть ещё? Есть ещё?!”

Старуха Цянь сплюнула:

“Бей сильнее! Осмелилась прятать серебро, даже если убьёшь, так ей и надо!”

Сань Нян закричала от боли, обеими руками прикрываясь и всё время пытаюсь увернуться. Но чем больше она уворачивалась, тем яростнее бил её Цянь Гуй.

Вэй Циншань шагнул вперёд и выхватил у него из рук метлу: “Довольно!”

Цянь Гуй вздрогнул, испугавшись холодного взгляда Вэй Циншаня. Но всё же это было его семейное дело и он, задрвав шею, закричал: “Я жену свою воспитываю, тебе-то какое дело? Ты... ты суёшься не в своё!”

Вэй Циншань холодно фыркнул: “В моё — не в моё, но если ты пугаешь моего фулана — это уже моё дело”.

Он швырнул метлу к ногам Цянь Гуя: “Ещё хоть раз услышу крик — по-хорошему не будет”.

После этого Вэй Циншань повернулся и сказал: “Гээр Юй, пойдём”.

Линь Юй, погладив по голове маленького гээра Цина, ушёл вместе с ним. В конце концов это были чужие дела и то, что Вэй Циншань вмешался до такой степени, уже немало.

В соседнем дворе стало тихо, только слышался плач гээра Цина. Цянь Гуй не посмел перечить Вэй Циншаню и потащив Сань Нян вместе с ребёнком, запер их в дровяном сарае: “Без ужина! Сегодня оба будете спать здесь!”

Вернувшись, Линь Юй тяжело вздохнул — бедная Сань Нян, не повезло встретить такого человека.

Он понимал: Вэй Циншань сегодня заступился только ради него. Линь Юй взял его за руку: “Спасибо”.

“Иди постели постель, у нас ведь ещё не убрано”, — ответил тот.

Вэй Циншань повёл его в дом, держась за руку. У каждой семьи свои трудности и он не был человеком, который любит лезть не в своё. Просто его маленький фулан был слишком мягкосердечен.

К полудню снова пошёл дождь. Вэй Циншань взглянул вдаль: “Похоже, завтра в горы не попасть”.

“Угу”, — откликнулся Линь Юй.

Из-за дождя они рано поужинали. Пирожки почти все съели и Линь Юй ещё приготовил несколько паровых лепёшек с дикими овощами — с перцовым маслом тоже было неплохо.

Он обхватил двумя руками пирожки и мелкими укусами ел. К вечеру осталось всего четыре мясных пирожка с сельдереем. Линь Юй то и дело поглядывал на дождь за окном, с ним в доме стало прохладнее.

“Давай потом отнесём пару пирожков гээру Цину”, — сказал Вэй Циншань.

Линь Юй резко поднял голову: “Одного хватит. Ещё ведь есть лепёшки с дикими овощами”.

Всё в доме доставалось тяжким трудом Вэй Циншаня, он не мог позволить себе быть чересчур добрым — жили они, в сущности, не особенно богато. Только с едой было получше, да и то всё благодаря тому, что Вэй Циншань ходил в горы на охоту.

“Два отнеси”, — сказал он.

“Тогда я все свои медяки отложу, чтобы на землю скопить”.

Вэй Циншань усмехнулся: “Всё в доме — наше общее, и твоё, и моё”.

После этих слов Линь Юй успокоился и продолжил ужин. Когда поел, взял два пирожка и пошёл к соседям, а Вэй Циншань отправился в кухню кипятить воду.

В дровяном сарае у семьи Цянь Сань Нян, обняв гээра Цина, съёжилась в углу. Весенняя гроза уже прошла, но стало снова холодно, сарай продувало со всех сторон, а с потолка ещё и капала дождевая вода.

Сань Нян только и могла, что поискать кусочек сухого места, прижать ребёнка к груди, стараясь, чтобы капли не попадали на него.

Маленький гээр Цин был ещё слишком мал, чтобы понять, каково его матери. Он моргнул своими жалобными глазами, посасывая пальцы: “А-Нян, гээр Цин голодный... хочу кушать”.

Сань Нян смахнула слёзы, сломала соломинку и сунула сыну: “Потерпи, погрызи пока это, ладно? А к утру мама тебе что-нибудь вкусное приготовит”.

Гээр Цин, измученный голодом, уже хотел засунуть соломинку в рот, но Сань Нян поспешно перехватила его руку: “Слушайся, глотать нельзя”.

Тогда он только прикусил соломинку, чмокая её от безысходности: “А-нян, я скучаю по

красивому фулану. Он мне... он мне давал вкусные пирожки и сладкую водичку, гээр Цин любит того фулана”.

<http://bllate.org/book/15725/1407301>